

Нового времени. Вып. 5 / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 262–267. [Chernyak I. H. Soteriologiya Fomyi Akvinskogo i renessansnyie predstavleniya o spasenii pravednyih yazyichnikov // Problemy sotsialnoy istorii i kulturyi Srednih vekov i rannego Novogo vremeni. Вып. 5 / pod red. G. E. Lebedevoy. SPb., 2005. S. 262–267.]

Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor.* Paris, 1723. 294 p.

Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. 2004. Vol. 2, № 2. P. 100–109.

Chaudhuri S. India Recognita: The Travels of Nicolò de' Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. Luisa Secchi Tarugi. Milan, 2009. P. 236–278.

O'Connell M. The Venetian Patriariate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // Renaissance Quarterly. 2004. Vol. 57. № 2. P. 466–493.

Pearson M. N. Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records. Goa, 1981. 149 p.

Pliny the Elder. Natural History / with an English transl. by H. Rackham. L., 1961. Vol. 2, Libri 3–7. 682 p.

Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2000. 443 p.

Статья поступила в редакцию 14.02.2014 г.

УДК 94(57) + 330(09)

О. В. Семенов

ТУРИНСКИЙ ЯМ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ*

На основе широкого круга архивных и опубликованных источников показана история возникновения и функционирования Туринского яма в конце XVI — первой трети XVII в. Подробно охарактеризована профессиональная, хозяйственная и общественная деятельность ямщиков, отмечена их большая роль в местной жизни. Сделан вывод о том, что положение жителей Туринского яма изначально было тяжелым и со временем ухудшалось. Это являлось сдерживающим фактором в деле освоения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь; Туринск; Туринский ям; ямская гоньба; ямщик; подводы.

С конца XVI в. «за Камнем» складывается система профессиональной ямской гоньбы. Ее оформление было вызвано потребностями Москвы в установлении более прочных связей с обширными, отдаленными и плохо освоенными территориями. Одним из первых по времени возникновения стал Туринский ям. Расположенный на официальном пути, он сыграл заметную роль в деле колонизации Сибири¹. Тем не менее, история его появления и функционирования не изучена.

* Работа выполнена при финансовой поддержке УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ для победителей конкурса «Молодые ученые УрФУ».

¹ Речь идет не только о прямых обязанностях ямщиков, но и об их вкладе в хозяйственное освоение региона: в свободное от гоньбы время они занимались земледелием, ремеслом, промыслами и т. д.

Профессиональные ямщики появились в Туринске с момента основания города². Согласно распространенному мнению, основной причиной строительства данного населенного пункта как раз и была необходимость в заведении ямской гоньбы³. Этот вывод основан на тексте царской грамоты (от 30 января 1600 г.), адресованной будущему основателю города, тюменскому письменному голове Ф. О. Янову, и нуждается в корректировке. В документе сообщается о принятом решении «меж Верхотурья и Тюмени, в Епанчине юрте, строить ям» (на 50 ямщиков), а «для береженья... поставити острог» [Миллер, т. 1, с. 374]. До начала работ Янов должен был обратиться к окрестным инородцам с «государевым жалованным словом», в особенности подчеркивая то обстоятельство, что устройство профессиональной гоньбы избавит их от несения подводной повинности⁴. Перед нами не что иное, как ловкий политический ход, имевший целью успокоить коренных жителей в условиях слабости русских позиций в крае. Не случайно Москва настоятельно требовала от Янова «держатъ» к вогуличам «ласку и береженье великое». Не менее важными причинами основания Туринска были высказанные в той же грамоте и хронологически близких ей документах соображения стратегического характера (среднее течение Туры оставалось открытым для набегов Кучумовичей и кочевников, а Верхотурье и Тюмень слишком удалены), а также необходимость развития в Сибири хлебопашества, ввиду неудачных попыток его заведения в Тарском и Пелымском уездах. Поэтому в Туринске предполагалось поселить не только ямщиков, но также служилых людей и крестьян [СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 16, л. 319–320; Миллер, т. 1, с. 374–377; РИБ, стб. 66–72].

Процесс создания в Сибири организованной системы сообщения ускорили жалобы коренного населения на обременительность подводной повинности⁵. В ответ на них в начале 1599 г. в Москве был разработан план, в соответствии с которым на дороге, связывавшей верховья Туры и Тобольск, «меж сибирских городов по волостям (ясачным. — О. С.), в которых волостях пригож», предполагалось «ямы устроити, и подводы и суды на ямах держатъ, и ближние волости (ясачные. — О. С.) на те ямы приписать и ясаков с тех волостей не имати» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 2, л. 126–129, 183–184.]. Иными словами, речь шла о реформировании подводной повинности. Тем не менее, данный проект не был реализован, и уже к концу 1599 г. правительство окончательно склонилось к мысли о необходимости учреждения на основной транспортной артерии края профессиональных русских ямщиков.

² В источниках XVII в. Туринск чаще всего именовался «острогом».

³ По Ю. В. Коновалову, Туринск вообще «изначально рассматривался скорее как ямская станция, чем административный центр» [Коновалов, с. 12–13]. С этим нельзя согласиться. Несмотря на статус «острога», Туринск с момента возникновения являлся центром уезда, а его первые управленцы (письменные головы) располагали полномочиями, аналогичными функциям городских воевод.

⁴ Судя по всему, инородцы Епанчинской волости неоднократно жаловались на тяжесть подводной повинности. Однако они вовсе не просили учреждать по соседству с собой русский ям.

⁵ «За Камнем» до появления профессиональных ямщиков казенные перевозки в большинстве случаев ложились на плечи инородцев. Это объяснялось нехваткой русских насельников. Подводная повинность, в силу своей непривычности и обременительности, вызывала недовольство ясачных людей и не обеспечивала качественной связи: татары, остяки и вогуличи отправляли ее нерадиво и разбегались.

Последовательное возникновение сразу трех ямов (Верхотурского, Туринского и Тюменского) являлось звеньями одной цепи.

Подробности основания Туринского яма почти неизвестны, поскольку его строельная книга не дошла. Из сохранившихся материалов видно, что главная ответственность по набору и обустройству ямщиков падала на местные власти⁶. В этом нет ничего удивительного: сибирских администраторов от их коллег по европейской России отличала большая самостоятельность и широта полномочий. В начале 1600 г. Москва предписала верхотурскому воеводе И. М. Вяземскому и письменному голове Г. С. Салманову укомплектовать будущий ям: 6 человек следовало выделить из числа верхотурских ямских охотников⁷, а остальных («сколько приберется») предполагалось набрать на Верхотурье из добровольцев. Любопытно, что утверждавшийся представителями государственной власти порядок верстания в ямщики «за Камнем», в европейской части страны во второй половине XVI в. являлся исключением. Там ответственность по выставлению для отправления гоньбы людей чаще всего ложилась на тяглецов. Не исключено, что верхотурским властям вменялось в обязанность предоставить ямщикам денежную «подмогу» с «крепкою порукою» (по 15 рублей на пай), бесплатные подводы до места назначения и лошадей с необходимой «гонейной рухлядью» [см.: Миллер, т. 2, с. 193]. Во всяком случае, к подобным мерам государство прибегало при устройстве других сибирских ямов. По достижении Епанчина юрта, ямщики поступали в распоряжение Янова. Вместе с инородцами, служилыми людьми и крестьянами они возводили Туринск. Янов должен был отвести им места под дворы, земли под пашни и сенные покосы⁸, обеспечить необходимым провиантом⁹ и семенным хлебом [Миллер, т. 1, с. 374, 375, 376–377; РИБ, стб. 66, 68, 69, 70–72].

Весной 1600 г. Туринск был поставлен. Он располагался при впадении р. Ялымки в Туру рядом с бывшим татарско-вогульским Епанчиным городком. Первое время город не имел своего гарнизона¹⁰. Его постоянное население состояло из крестьян и ямщиков. Последних к началу 1601 г. насчитывалось всего 6 человек. По-видимому, именно неприглядность ямской службы не позволила верхотурским властям прибрать на Туринский ям необходимое количество «охочих людей». Не сумел сразу этого сделать и Янов. Неизвестно, когда ямщики приступили к отправлению своих обязанностей. Скорее всего, это произошло в том же 1600 г. Впрочем, в силу малочисленности, они вряд ли справлялись со всем объемом перевозок.

⁶ По всей видимости, воеводские власти осуществляли лишь общий контроль. Непосредственным набором и обустройством ямщиков обычно занимались назначенные из детей боярских «приборщики» и «стройщики».

⁷ Верхотурский ям в начале 1600 г. находился в стадии формирования. На него прибирались «охочие люди» в Поволжье, на Вятке и, вероятно, из местного населения [Семенов, 2009, с. 16–17].

⁸ Места и размеры ямских земель Янову поручалось определить самостоятельно — «смотря по тамошнему делу».

⁹ Хлеб прислали с Верхотурья. Норму предоставляемых для потребления муки, крупы и толокна устанавливал лично Янов, «смотря по людям и по семьям, как кому мочно до нови прокормитца».

¹⁰ В начале XVII в. служилые люди присылались в Туринск в качестве «годовальщиков» из других сибирских городов.

Поэтому в значительной степени транспортировка людей и грузов по-прежнему осуществлялась силами коренного населения. Лишь к началу 1602 г. Туринский ям был полностью укомплектован¹¹, после чего и стало возможным его полноценное функционирование [Миллер, т. 1, с. 399].

Первоначально ямщики проживали попеременно с представителями других слоев общества. Это приводило к неудобствам. По свидетельству ямщиков, при устройстве им отвели по 6 сажень на двор¹², отчего «в остроге» обнаружилась «теснота великая, и огородов... развестъ негде» [Миллер, т. 1, с. 384]. Царской грамотой от 28 января 1601 г. Янову предписывалось образовать отдельную Ямскую слободу. Она примыкала к Туринску с востока и была отделена от него оврагом, через который перекинули мост [Там же].

Туринский ям был устроен на 50 паев (вытей), что являлось общей для Сибири нормой. В обязанность его жителей входила круглогодичная (за исключением периода осенней и весенней распутицы)¹³ транспортировка казенных грузов и следовавших по государственной необходимости лиц до Верхотурья, Тюмени, Пельма, к слободам и деревням, а также в ясачные волости. Для этого ямщики содержали лошадей с санями, телегами, седлами и прочим «припасом», а для перевозок по воде — суда «с веслы и з бечевами и со всякою судовою снастью». С течением времени, по мере освоения региона, количество направлений и интенсивность перевозок возрастали. По социальному положению ямщики ближе всего находились к приборным служилым людям, или занимали промежуточное положение между ними и тяглецами. От государства они получали денежное жалованье в размере 15 рублей на пай [АИ, с. 150]. Необходимо отметить то, что в европейской России ямские охотники к началу XVII в. зачастую содержались на средства выставившего их населения. Лишь после окончания Смуты, в связи с резким падением уровня платежеспособности тяглецов и потребностями централизации, их перевели на казенное обеспечение. Нельзя исключать того, что насельникам Туринского яма поначалу предоставлялось хлебное жалованье. Однако вскоре его ликвидировали, а ямщиков перевели на службу «с пашни». Величина последней составляла 20 четей¹⁴ в поле, а «в дву потому ж» на пай [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 689, л. 186]. Впрочем, действительные размеры участков могли не соответствовать установленным окладам. При этом даже с «лишних» земель налоги в казну не взимались.

Существование Туринского яма основывалось на традициях мирского самоуправления. При необходимости население собирало сход, на котором решались важнейшие вопросы жизни общины. Здесь же избирались должностные лица, размещавшиеся в «ямской (земской) избе» [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1260, л. 291]. Во главе органов самоуправления стоял староста. К примеру, в 1622/23 г. его обязанности

¹¹ Источники пополнения Туринского яма неизвестны. Ямщиков могли прибирать как в Сибири, так и в европейской части страны.

¹² Для сравнения: верхотурским ямщикам предоставляли по 12 сажень на каждое дворовое место.

¹³ Впрочем, нередко ямщики были вынуждены гонять даже «по последнему» зимнему и летнему пути «в самой пущей роспоп», что вызывало их многочисленные жалобы [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 496, л. 222–223, 226].

¹⁴ 1 четь (четверть) как мера земельной площади равнялась 0,5 десятины (или 0,6 га).

выполнял Бажен Терентьев [АЮБ, стб. 258]. Староста представлял слободу перед внешним миром (мог подать челобитную «во всех ямских охотников место»), судил насельников яма по мелким правонарушениям, принимал участие в процедуре выдачи ямщикам жалованья, контролировал очередность отправления ими гоньбы, выделял под проезжающих подводы, заботился о пополнении вакантных паев и т. д. Помощниками старосты были десятники. Самый ранний из известных нам перечней этих должностных лиц относится к марту 1636 г. Тогда туринскими ямскими десятниками значились Евстафий Митрофанов, Пятун Иванов, Григорий Перминов и Кузьма Шустов [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 170, л. 63]. Старосту и десятников обычно избирали на год, причем из лиц не обязательно состоятельных. Упомянутый выше Б. Терентьев в 1623/24 г. владел всего лишь 1 четью «доброй» пашни, 1 четью перелога «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 40 копен [Там же, оп. 1, кн. 5, л. 561, 584 об.]. Текущее делопроизводство находилось в руках ямского дьячка, который нанимался и содержался на средства «мира». Его значение усиливалось благодаря тому обстоятельству, что староста и десятники нередко были людьми неграмотными.

Туринские ямщики принимали активное участие в общественной жизни края. В XVII в. обыденной являлась практика отстаивания ими своих интересов, причем не только в отношениях с другими корпоративными сообществами, но и с властями, которые, чувствуя зыбкость своего положения, пока еще были вынуждены прислушиваться к голосу «земли». Тем не менее, автономия и самостоятельность общины имела свои границы. Дело в том, что ямской «мир» был образованием искусственным, созданным по воле государства. К тому же, в отличие от европейской России, «за Камнем» ямское дело находилось под прямым надзором и непосредственным контролем со стороны воеводской администрации. Зависимость сибирских ямщиков от местных властей усиливалась благодаря тому обстоятельству, что они подчинялись не Ямскому, а территориальному приказу — Казанскому дворцу (с 1637 г. — Сибирскому приказу). Именно воеводы выполняли роль более высокой судебной инстанции, следили за тем, чтобы ямы не пустели и исправно функционировали, защищали ямщиков от притеснений сторонних лиц, нередко выплачивали им жалованье, контролировали состояние транспортных коммуникаций и т. д. Усилению зависимости «мира» от администрации способствовали сами же ямщики, часто обращавшиеся к государству за помощью и посредничеством в решении внутриобщинных споров.

В литературе утвердилось представление о том, будто ямщикам жилось легче, чем многим другим категориям населения Московской Руси. Несомненно, в какой-то степени статус ямского охотника давал своему обладателю преимущества. К примеру, ямщицкое хозяйство лучше было обеспечено тягловой силой — лошадьми. Однако в целом положение жителей сибирских ямов оставалось тяжелым и со временем ухудшалось. Виной этому были не только суровые природно-климатические условия, поджидавшие на пути опасности¹⁵ и многочисленные

¹⁵ В том числе, внешнего характера: в XVII в. территория Туринского уезда подвергалась ударам со стороны Кучумовичей и калмыков.

злоупотребления со стороны проезжающих людей и представителей местной администрации. Бедственная ситуация во многом усугублялась правительственной политикой. Взирая на население исключительно с точки зрения фискальной, избегая дополнительных расходов и изыскивая очередные источники пополнения казны, власти отказывались от увеличения количества паев, крайне неохотно шли на прибавку окладов жалования, долгое время не вводили «за Камнем» прогонов, привлекали ямщиков к выполнению многочисленных повинностей, взимали с них общегосударственные налоги («пятую» и «десятую» деньгу) и т. д.¹⁶ Так, переведенных в 1603 г. из Пельма и Тары в Туринск крестьян до обустройства следовало разместить во дворах ямщиков [Миллер, т. 2, с. 208–209]. Все это объясняет, почему в основной массе (за редким исключением [см.: Семенов, 2011, с. 134]) насельники Туринского яма на протяжении XVII в. оставались людьми скромного имущественного достатка.

Серьезному испытанию система ямской гоньбы подверглась в годы Смуты. Впрочем, если в европейской части страны она оказалась в катастрофической ситуации (многие ямы запустели, сухопутные трассы пришли в упадок) [Гурлянд, с. 206], то в Сибири продолжала исправно функционировать, и даже в 1610 г. Туринский ям оставался полностью укомплектованным. Основная причина этого заключалась в том, что воеводская администрация края сумела сохранить в своих руках реальные рычаги управления, обеспечив бесперебойную деятельность основных государственных институтов [см.: Семенов, 2007, с. 61–76]. Заинтересованные в организованном сообщении, власти шли на уступки. Еще в канун грозных потрясений, в 1601 г., ямщики добились права на беспошлинный провоз через Верхотурье в Туринск приобретенных для личных нужд (а не на продажу) лошадей и сельскохозяйственного инвентаря (кос, серпов и т. п.) [Верхотурские грамоты, вып. 1, с. 100]. В начале 1607 г. по указу Василия Шуйского им была выдана казенная «подмога» для приобретения лошадей — по 5 рублей на пай [Там же, вып. 2, с. 185]. Несколько раньше туринские и тюменские ямщики жаловались на то, что их «суды... погнили и розвалились, и гоней им гонять не в чем» [РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 126, л. 2]. Ответной царской грамотой (февраль 1606 г.) верхотурскому воеводе С. С. Годунову и письменному голове А. Ф. Загряжскому предписывалось отдать распоряжение «делати плотником стругов гребных з десять». Последнее следовало отправить в Туринск и Тюмень для задачи «для гоней ямским охотником» [Там же]. Одновременно шли поиски более коротких и удобных путей. В 1602 г. по просьбе ямщиков письменному голове Ф. К. Фофанову указывалось произвести разведку новой дороги от Туринска до Тагильского устья и в случае, если она будет удовлетворять необходимым требованиям, расчистить и разрешить по ней гоньбу. Тем не менее, этих и подобных им мер было недостаточно. Висевшая над Сибирью на протяжении всех

¹⁶ В отличие от многих ямских слобод европейской части страны, сибирские ямщики не имели уставных грамот, предоставлявших своим обладателям широкие привилегии (такие как неподсудность местной администрации, освобождение от несения повинностей и уплаты основных налогов, торговые льготы и т. д.).

лет гражданской войны угроза антирусского восстания ясачного населения, а также перебои в поставках хлеба и денежных средств из европейской России не могли не отразиться на положении туринских ямщиков. Не случайно оклады обеспечения за 1608/09–1609/10 гг. они получили не раньше лета 1610 г. [Верхотурские грамоты, вып. 2, с. 243].

В послесмутное время правительство приступило к восстановлению системы сообщения в масштабах всей страны. Тем не менее, туринские ямщики не получили желанного облегчения. Размеры их обеспечения сокращались и к началу 1620-х гг. составили 10 рублей на пай [АИ, с. 150]. Жалованья не хватало и выплачивалось оно нерегулярно. К тому же, ввиду нехватки наличных средств, его могли выдавать товарами (сукнами, пушниной «худого» и «среднего» качества), которые, вследствие отсутствия на них особого спроса, ямщики сбывали за бесценок. В 1621/22 г. из-за бегства и смертности на Туринском яме пустовали 16 паев. Путем невероятных усилий к 1622/23 г. воеводы сумели прибрать на 6,5 вытей добровольцев: «сверх прежних их окладов — десети рублей» «на завод и на лошади» им предоставили 5-рублевую «подмогу». Однако желающих занять остальные места не находилось [АЮБ, стб. 258–260].

Своеобразной «проверкой на излом» для населения Сибири обернулась деятельность тобольского воеводы Ю. Я. Сулешева (1623–1625). Этот ретивый «прибыльщик» поставил перед собой цель сформировать «в далекой государевой отчине» собственную продовольственную базу, благодаря которой край смог бы полностью отказаться от поставок зерна из Поморья. Поэтому он стремился к расширению запашки и увеличению объемов поступающего в казенные житницы хлеба. Тогда же была осуществлена перепись территорий Тобольского разряда. Ее результаты свидетельствовали о том, что к этому времени население западносибирских ямов играло заметную роль в хозяйственной жизни региона. По данным дозорной книги Н. Н. Беглецова (1623/24 г.), туринских ямщиков вместе с братьями и детьми мужского пола насчитывалось 57 человек¹⁷. В большинстве они проживали в Ямской слободе, включавшей 43 двора. Еще 9 ямских дворов располагались в уезде¹⁸. В общей сложности ямщики владели 163 четями с осьминой пашни, 63 четями с третником перелога¹⁹ «в поле, а в дву потому ж» и санными покосами на 3730 копен [РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 5, л. 559 об.–562 об., 575 об.–586]. Выяснив то, что с ямских сверхокладных земель не взымались

¹⁷ Перепись не дает точной цифры собственно ямщиков. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что к этому времени часть паев по-прежнему пустовала. Не случайно Беглецов фиксирует пашни и сенокосы лишь 36 ямщиков. Он же поименно перечисляет 20 человек их «детей и братьев». Что касается отмеченных в дозорной книге дворов в Ямской слободе, то некоторые из них могли принадлежать уже «выбывшим» ямщикам. К примеру, Ананий Денисов и Беляй Барсуков, дворы которых учтены Беглецовым, в 1622/23 г. числились среди «выморошенных и сбеглых» [АЮБ, стб. 259].

¹⁸ Пять дворов составляли ямскую деревню Твердунову, четыре стояли «на приезд» рядом с ямскими пашнями. Большинство их владельцев (не менее 7 человек из 9) имели дворы в Ямской слободе.

¹⁹ Согласно нашим подсчетам, итоговая цифра перелога туринских ямщиков составляла 80 четей с третником «в поле, а в дву потому ж».

налоги, Сулешев в 1624 г. обложил их «выдельным хлебом» — «пятым снопом»²⁰. Здесь ямщики оказались в менее выгодном по сравнению со служилыми людьми положении, с «лишних» пашен которых государство взыскивало десятую часть урожая. При этом норма окладной пашни была сокращена вдвое и составила 10 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 6].

Нововведения Сулешева были одобрены Москвой. Благодаря им правительство добилось «существенной экономии казенного хлеба и улучшения хлебоснабжения Сибири» [Леонтьева, с. 18]. Однако они ударили по благосостоянию ямщиков. Ситуацию усугубило то, что в конце 1620-х гг. над Туринским уездом нависла угроза «шатости» ясачного населения и вторжения калмыков. Тогда же произошел конский падеж и, вероятно, «хлебный недород»²¹. В промежутке между мартом и августом 1629 г. туринский воевода А. И. Зубов был вынужден предоставить ямщикам «из государевы казны для их великих нуж и для ямских отпусков взаимы» (в счет будущего жалованья) 150 рублей [Первое столетие сибирских городов, с. 67]. Это, впрочем, не изменило ситуации. К началу 1630-х гг. на Туринском яме «с великою нужею» функционировало всего 25 паев, тогда как с остальных вытей ямщики, вследствие недостатка жалованья и «от далных и от частых перегонов, розбежались розно» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 6]. В октябре 1631 г. тобольским воеводам Ф. А. Телятевскому «с товарищи» была отправлена царская грамота с предписанием осуществить широкий сыск. По его итогам разрядные власти должны были самостоятельно («по своему вымотру») принять решение о целесообразности увеличения размеров денежного обеспечения и пашен ямщиков. Им же следовало доукомплектовать ям: вернуть «на старые жеребьи» беглецов, а на оставшиеся места прибрать добровольцев из числа «посадских захребетников», «гулящих людей» и «половников» [Там же, стб. 46, л. 6; стб. 107, л. 17, 18, 29–30]. В ответ из Тобольска в Туринск были отправлены дети боярские В. Гаврилов, И. Бовыкин, а также подьячий Б. Федоров²². На месте они опросили 174 человека. Следствие показало, что насельники Туринского яма «от частые... гонбы обнищали и одолжали великими долги, и у многих лошадей нет, а иные ходят меж двор и в долгах безпрестани стоят на правеже» [Там же, стб. 46, л. 7]. Когда же случается «подводам большой отпуск», ямщики «бегают», и вместо них «отпускают подводы, наймаючи государевою казною, а иные-де подводы и гребцы наметывают на посадских людей» [Там же]. Одновременно сыщики обратились к данным загонных книг. Из них следовало, что за 1629/30–1630/31 гг. туринские ямщики в общей сложности

²⁰ Возможно, что планы по обложению сверхокладных пашен сибирских ямщиков оброком разрабатывались еще раньше. Царская грамота от 2 ноября 1622 г. предписывала верхотурскому воеводе И. И. Пушкину «выделной хлеб на нас (государя. — О. С.) збирати со всяких людей, опричь наших сибирских служилых людей» — с ружников, монастырских половников, посадских людей, пашенных крестьян и ямских охотников. Однако претворил эту меру в жизнь только Сулешев [Архив СПб ИИ РАН, ф. 28, оп. 1, стб. 105, л. 1; СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 2, л. 132 об.].

²¹ Во всяком случае, в соседнем Тюменском уезде 1628/29 г. был неурожайным [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 14, л. 197; Миллер, т. 2, с. 415–416, 426–427].

²² Деятельность тобольских «стройщиков» протекала в 1632–33 гг.

выделили 2499 подвод. Это превышало количество отпущенных за те же годы средств передвижения насельниками основного за пределами Уральского хребта Верхотурского яма. Испытывая острый недостаток подвод, большую их часть (2429) ямщики вынуждены были арендовать на стороне, потратив сумму, намного превышавшую размеры их денежного жалованья — 1710 рублей 7 алтын 1 денгу. По результатам следствия Тобольск принял решение об увеличении окладов годового обеспечения туринцев «против верхотурских ямских охотников» до 20 рублей на пай [Там же, стб. 46, л. 7–8; стб. 107, л. 30; стб. 593, л. 62–65]. Тогда же был осуществлен прибор людей на пустые выти.

Не вполне ясно, когда произошло увеличение денежного жалованья. Учтывая то, что отписку тобольских властей с изложением своих действий в Москве получили в августе 1633 г., новые оклады обеспечения ямщики стали получать с 1632/33 г. или с 1633/34 г. [Там же, стб. 46, л. 7, 15]. Их размер оставался неизменным до начала XVIII в.²³ Что касается величины окладной пашни, то ее сохранили на прежнем уровне. В дальнейшем, в результате настойчивых просьб туринцев, она была увеличена до 20 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. При этом с их «лишних» земель стали взимать оброк в размере десятой части урожая²⁴. Тем не менее, этих и подобных им уступок было явно недостаточно. Поэтому в последующем Туринский ям регулярно пустел, а при его пополнении возникали трудности, связанные с набором добровольцев.

Таким образом, Туринский ям стал одним из первых по времени возникновения поселений профессиональных ямщиков в азиатской части страны. Начальная история его существования драматична. Благодаря своей профессиональной деятельности, а также социальной и экономической активности, ямщики внесли большой вклад в дело интеграции края в состав России. Однако их собственное положение оставалось тяжелым. Это отрицательно сказывалось на качестве функционирования яма и, следовательно, в какой-то степени сдерживало процесс освоения сибирских территорий.

АИ. СПб., 1841. Т. 3. [АИ. СПб., 1841. Т. 3.]

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28 (Верхотурская приказная изба). [Arhiv SPb II RAN. F. 28 (Verhoturskaya prikaznaya izba).]

АЮБ. СПб., 1884. Т. 3. [АЮБ. СПб., 1884. Т. 3.]

Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. : в 2 вып. М., 1982. [Verhoturskie gramoty konca XVI — nachala XVII v. : v 2 vyp. M., 1982.]

²³ В 1660/61 г., в связи с финансовыми мероприятиями властей, вызвавшими падение покупательной способности медной монеты и рост цен, размеры обеспечения туринских ямщиков были увеличены до 23 рублей на пай. Однако вскоре после окончания денежной реформы им вернули «прежней оклад, как ходили серебряные денги до медных» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 59–60, 69, 74; стб. 818, л. 523–524, 526, 529; ДАИ, с. 228–229].

²⁴ В конце 1688 г. Москва предписала туринским властям увеличить окладную пашню ямщиков до 40 четей «в поле, а в дву потому ж» на пай. Впрочем, в 1692 г. ее размеры вновь составляли 20 четей «в поле, а в дву потому ж» [РГАДА, ф. 1111, оп. 1, стб. 148, л. 392; СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 6, л. 275 об.–276 об.].

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. [Gurlyand I. Ya. Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka. Yaroslavl', 1900.] ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. [DAI. SPb., 1851. T. 4.]

Коновалов Ю. В. Население Ирбитской слободы в первые годы существования (1632–1682) // Ирбит и Ирбитский край: очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006. С. 11–35. [Konovalov Yu. V. Naselenie Irbitskoj slobody v pervye gody sushchestvovaniya (1632–1682) // Irbit i Irbitskij kraj: ocherki istorii i kul'tury. Yekaterinburg, 2006. S. 11–35.]

Леонтьева Г. А. Пашня служилых людей Сибири в XVII – начале XVIII вв. // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1985. С. 3–18. [Leont'eva G. A. Pashnya sluzhilyh lyudej Sibiri v XVII – nachale XVIII vv. // Zemledel'cheskoe i promyslovoe osvoenie Sibiri (XVII – nachalo XX v.). Novosibirsk, 1985. S. 3–18.]

Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М., 1999–2000. [Miller G. F. Istoriya Sibiri : v 2 t. M., 1999–2000.]

Первое столетие сибирских городов. Новосибирск, 1996. [Pervoe stoletie sibirskih gorodov. Novosibirsk, 1996.]

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). [RGADA. F. 214 (Sibirskij prikaz).]

РГАДА. Ф. 1111 (Верхотурская приказная изба). [RGADA. F. 1111 (Verhoturskaya prikaznaya izba).]

РИБ. СПб., 1875. Т. 2. [RIB. SPb., 1875. T. 2.]

Семенов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения : тр. науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Нижний Новгород, 2007. С. 61–76. [Semenov O. V. K voprosu o polozhenii gorodov i uezdov Zaural'ya nakanune i v gody Smuty // Mininskie chteniya : tr. nauch. konf. Nizhegorod. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo (20–21 oktyabrya 2006 g.). Nizhnij Novgorod, 2007. S. 61–76.]

Семенов О. В. Верхотурский ям в конце XVI–XVII вв.: история возникновения и функционирования // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. Ч. 1. С. 15–28. [Semenov O. V. Verhoturskij yam v konce XVI–XVII vv.: istoriya vzniknoveniya i funkcionirovaniya // Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Yekaterinburg, 2009. Vyp. 7. Ch. 1. S. 15–28.]

Семенов О. В. «Дело» туринских ямщиков Коркиных. Из истории утверждения крепостнических отношений в Сибири в XVII в. // Вестник УрО РАН. Екатеринбург, 2011. № 3 (37). С. 132–138. [Semenov O. V. «Delo» turinskih yamshchikov Korkinyh. Iz istorii utver-zhdeniya krepostnicheskikh otnoshenij v Sibiri v XVII v. // Vestnik UrO RAN. Ekaterinburg, 2011. № 3 (37). S. 132–138.]

СПФА РАН. Ф. 21 (фонд Г. Ф. Миллера). [SPFA RAN. F. 21 (fond G. F. Millera).]

Статья поступила в редакцию 07.02.2014 г.